

УДК 821.111

«СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ» Г.К.ЧЕСТЕРТОНА. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© М.А.Козырева

В статье затрагиваются проблемы биографического жанра в творчестве Г.К.Честертон. Книга «Святой Франциск Ассизский» рассматривается как одна из литературных биографий и как попытка создания современной версии агиографического жанра. Прослеживается взаимодействие различных жанровых форм и стратегий автора.

Ключевые слова: Г.К.Честертон, литературная биография, агиография.

Г.К.Честертон смело можно назвать одним из наиболее цитируемых авторов в современной культуре. Простая и мудрая философия здравого смысла, строящаяся на реальном жизненном опыте среднего человека, легкий стиль, изящная парадоксальность умозаключений и афористичность высказываний провоцируют желание использовать его сентенции для подтверждения своих мыслей. Широта охвата проблем (как журналист он писал практически обо всех сторонах жизни) позволяет сделать это в рассуждениях практически на любую тему. Может показаться удивительным, но столь же цитируемыми и широко обсуждаемыми оказываются его работы, посвященные вопросам веры, особенно его очерк о Св. Франциске Ассизском, который был написан через 2 года после официального перехода автора в лоно римско-католической церкви, в 1924 г. Как справедливо отмечает Дж. Пирс, этой книге был сужден наибольший из его произведений успех, как среди издателей, так и критиков [1: 22]. В последние десятилетия интерес к ней усилился. Католические издания часто помещают это эссе в издание трудов самого Св. Франциска (это касается и западных, и русских издательств), оно привлекает внимание как богословов всех конфессий, так и литературоведов. Среди последних следует отметить процитированную выше статью Дж.Пирса, монографию Д.Алквист «ГКЧ – апостол здравого смысла» (2003) [2], освещающую в основном его работы, посвященные вопросам религии, обширную биографию Г.К.Честертон, написанную Я.Кером (2011) [3]. Однако, к сожалению, по большей части (кроме работ Дж.Пирса) эти исследования сводятся к восторженному пересказу честертоновских текстов и не содержат анализа их художественных особенностей.

Судя по всему, обращение Г.К.Честертон к жизни Св. Франциска было далеко не случайным. В «Автобиографии» он вспоминает, что легенды об этом святом и его «Цветочки» ему чи-

тали в детстве родители (не с целью религиозного воспитания – они были в достаточной степени агностиками), а просто как хорошую литературу. Об этом же он говорит и в эссе о Св. Франциске: «Св. Франциск так глубоко вошел в мое сознание, что слился с самыми домашними ощущениями детства. Я принял его Брата Волка и Сестру Овцу, как Братца Кролика и Братца Лиса святого дядюшки Римуса. Потом постепенно я увидел в нем многое другое, но это, первое, я никогда не забуду. Он стоит на мосту, перекинутом из моего детства к моему обращению; романтика его веры сумела пробить даже рационализм смутных викторианских времен» [4: 18]. В период юношеских метаний между декадентством и спиритизмом в поисках философской константы Г.К.Честертон обращается к Св. Франциску в стихотворении 1892 г. («*Is there not a question rises from his word of «brother, sister»? Cometh from that lonely dreamer that today we shrink to find?»*»), но в эти годы начинающий писатель еще далек от веры. Затем образ Св. Франциска появляется в статье «Оратор» из сборника эссе «12 типов» (1902). В 1924 г. Г.К.Честертон наконец создает биографию основателя ордена францисканцев, проповедника радостной аскезы. Это не первое религиозное сочинение писателя, ему предшествовала «Ортодоксия», его духовная автобиография, повествование о пути к вере и радости веры. Уже были написаны к этому времени и многочисленные литературные биографии, посвященные творческим личностям, мастерам пера и кисти. Таким образом, можно утверждать, что религиозные взгляды автора и основные жанровые черты формы биографии уже сформировались.

Замысел Г.К.Честертон был достаточно смелым. Он не мог и не считал возможным написать богословский текст («Св. Фома Аквинский» позже был написан по заказу и благословению Папы Римского). Поэтому «полем деятельности» становится для него довольно распространенная

в католицизме традиция осмысления вопросов веры в художественном тексте. При этом он не отказывается и от публицистики. Результатом этого явилась довольно своеобразная форма данного произведения, развитие которой прослеживается в появившейся через год работе «Вечный человек» и в уже упомянутом «Св. Фоме».

Во-первых, обратим внимание на структуру эссе. Композиционно оно распадается на несколько частей: введение, в котором автор определяет свои цели и стратегии; историческую часть, в которой дается характеристика эпохи позднего Средневековья; собственно биографические главы, где он говорит о юности святого, его приходе к вере; историю святости и заключение, в котором автор снова возвращается к цели и стратегии своего произведения, объясняя, почему он написал о Св. Франциске именно в такой форме. Г.К.Честертон начинает с четкого определения своего адресата: «Дружественного и непосвященного читателя» [4: 18]. Все эссе целиком – это полная симпатии и уважения беседа с ним. Как и в более ранних биографических эссе автор использует прием «привлечения широкой аудитории», обозначая множество разных мнений по каждому из своих тезисов, как истинно существующих, так и сугубо фикциональных. Они расположены так, что непосвященный читатель невольно разделяет точку зрения автора, тем более ему льстит единение со столь мудрым собеседником (*мы с вами знаем*) и эффект участия в столь широкой дискуссии. Это позволяет Г.К.Честертону избежать проповеднического тона и мягко подвести собеседника к нужному выводу. Также четко с самого начала автор обозначает свои авторские стратегии. Он определяет актуальность своего исследования, причем во многом в социальном и моральном, а не религиозном плане, говоря о том, что Св. Франциск предвосхитил многое, что есть хорошего в современном мире, – любил животных, жалел бедных, понимал духовную опасность богатства. При этом писатель ставит себя на место своего читателя и пытается объяснить «непонятное через понятное». Он выделяет и глубину религиозного дискурса: *«Люди не верят из узости, сам я сказал бы, что они не столь кафоличны, чтобы стать католиками. Но я не хочу обсуждать сейчас доктрины христианства, я пишу об его истории, такой, какую способен видеть ее человек с умом и воображением, даже если сам он – не христианин»* [4: 21]. В основной части произведения автор домысливает каждого из своих персонажей, оживляет, исходя при этом из существующих легенд и в то же время разводя современность и прошлое. Так, отец Франциска «не

был похож ни на современного торговца, ни на дельца – вообще ни на кого из тех, кто живет теперь, когда правит капитал...» [4: 28]. Именно его положение в обществе заставляло эксплуатировать членов своей семьи, а это в свою очередь не давало возможности сыновьям избежать тяжелого труда. Юный Франциск, с авторской точки зрения, *«был простодушен, общителен, подражал трубадурам, следовал французской моде и благодаря всему этому стал романтическим вожакom местных юнцов»* [4: 29]. Г.К.Честертон показывает юность святого не как греховную, а как беспечную, поэтическую, веселую, таким образом отходя от традиционной трактовки и подводя читателя к тому, что обращение Франциска – это не столько глубокое раскаяние в греховности, а поэтическое обретение Бога. Стремление к рыцарским подвигам он объясняет увлечением рыцарскими романами, неудачи – мечтательностью. Именно эта поэтичность природы и бессеребренничество приводит Франциска к разочарованию в светской жизни, кризису, а затем – обращению и святости. Писатель также использует здесь прием, характерный для его последующих биографий, принцип раскадровки. Он ярко рисует отдельные картины жизни святого, вводя их словами: «первая картина» и т.д.: *«Он сложил одежду в углу, а наверх положил деньги. Потом обернулся к епископу, словно отвернулся от всех других, и получил благословение, и, по преданию, вышел в холодный мир. Видимо, мир впрямь был холодным, землю покрыл снег. <...> Он шел в одной власянице по зимнему лесу, по мерзлой земле, среди голых деревьев. У него не было ни отца, ни денег, ни ремесла, ни планов, ни будущего. И вот, под белыми деревьями, он внезапно запел»* [4: 38]. Такие картины позволяют избегать подробного жизнеописания, что, кстати, характерно и для других его биографий.

Безусловным идейным фокусом эссе становится глава «Жонглер Богородицы», где, опираясь на другую свою любимую средневековую легенду, *Jongleur de Dieu*, автор, с одной стороны, объясняет обращение Франциска, снова соотнося его с трубадурами и рыцарями, с другой – утверждая, что вера в Бога возникает именно тогда, когда мир переворачивается, и, собственно, излагая историю своего собственного обращения: *«<...> образ перевернутого мира снова пригодится нам. Если человек увидит мир вверх ногами, а все деревья и башни – вниз головой, как в пруду, он яснее почувствует, что такое зависимость (ведь слово «зависеть» происходит от слова «висеть») ему станет особенно ясен текст из Писания о том, что Бог повесил Землю*

ни на чем!» [4: 47-48]. «Когда хороший человек становится святым – это истинный переворот. Для хорошего все на свете объясняет Бог, а для святого Бог объясняет и утверждает все <...>» [4: 49]. «Тот, кто видел мир на волоске милости Божьей, видел истину, если хотите – неприкрытую. Тот, кто видел свой город перевернутым, видел его правильно» [4: 50].

Дальнейшее описание – это такие же отдельные легенды, но подаются они уже иначе. Автор берет сюжет, пересказывает его, выделяя мистический компонент (*ему открылось, он увидел*), и психологически разворачивает эпизод, используя принцип раскадровки, но не мотивирует его, поскольку мотивировка остается уже в метафизической плоскости, куда автор смиренно не смеет заглядывать. Изобилие вводных слов и оборотов (*мне кажется, я только предполагаю, возможно, никто не знает*) делает повествование еще более похожим на доверительную беседу.

В тексте можно обнаружить много образов, являющихся для писателя символическими (образ перевернутого мира, капюшон – готическая арка, краски пурпурного заката), что типично для его творчества в целом, это позволяет ему (возможно, это происходит бессознательно) напоминать постоянному читателю о константных темах, связанных с рассуждениями о пути к вере.

Только в заключении Г.К.Честертон меняет тон, сомнения и неуверенность исчезают, проповедь уже звучит не как назидание. Читатель-

единомышленник должен воспринять ее как свои собственные выводы: «В святом Франциске, как и во всех гениях, даже отрицательное – положительно, ибо это часть их личности. <...> Наверное, я прежде всего хотел показать, что Св. Франциск ходил по миру, как Божье прощение. Он пришел – и человек получил право примириться не только с Богом, но и с природой, что еще труднее, с самим собой, ибо приход его означал, что ушло застоявшееся язычество, отравившее античность» [4: 88].

Таким образом, следуя в целом принципам католической агиографии, он рисует путь от жизни обычного человека к святости, оживляет житие, при этом не секуляризируя идею. Возможно, именно в этом секрет популярности и востребованности этой книги в современном мире.

*****

1. Pearce J. Chesterton and St. Francis // URL: <http://www.ignatiusinsight.com> (дата обращения 20.03.2012).
2. Ahlquist D. G.K.Chesterton. The Apostole of Common Sense. – Lnd – N.Y.: Ignatius Press, 2003 – 200 p.
3. Ker I. G.K.Chesterton. A Biography. – Oxford – N.Y.: Oxford University Press, 2011. – 784 p.
4. Честертон Г.К. Святой Франциск Ассизский / пер. с англ. Н.Трауберг // Г.К.Честертон. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – С. 13 – 92.

G.K.CHESTERTON'S «ST. FRANCIS OF ASSISI». PECULIARITIES OF BIOGRAPHICAL NARRATIVE

M.A.Kozyreva

The paper explores biography as a genre form in G.K.Chesterton's heritage. In the paper his book «St. Francis of Assisi» is regarded as one of his literary biographies and as an attempt to create a modern version of hagiography. The interaction of different genre forms and approaches is traced.

Key words: G.K.Chesterton, literary biography, hagiography.

*****

Козырева Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: kozyr2m@mail.ru

Поступила в редакцию 09.09.2012